

Расписавшись в собственной беспомощности, я лежал на другой половине мини-футбольной площадки и с ужасом и восторгом смотрел как наш вратарь, заслуженный артист России Александр Мартынов в немудрых шпатах вел борьбу с двумя нападающими соперниками. Дело было на турнире по мини-футболу, в котором, наряду со знаменитыми ветеранами, участвовали артисты и журналисты. Его игра в воротах футбольного поля показалась мне не менее блестящей, чем на сцене. Кстати, позднее узнал, что в студенческие годы вратарем Мартыновым серьезно интересовались футбольные тренеры ЦСКА, предлагая попробовать себя в дублирующем составе. Но теперь футбол для него — "полупрофессиональная забава": он артист знаменитой "Маяковки" — одного из лучших столичных театров, что на улице Герцена. Еще вспоминал я роли Александра Сергеевича в "Беседе с Сок-

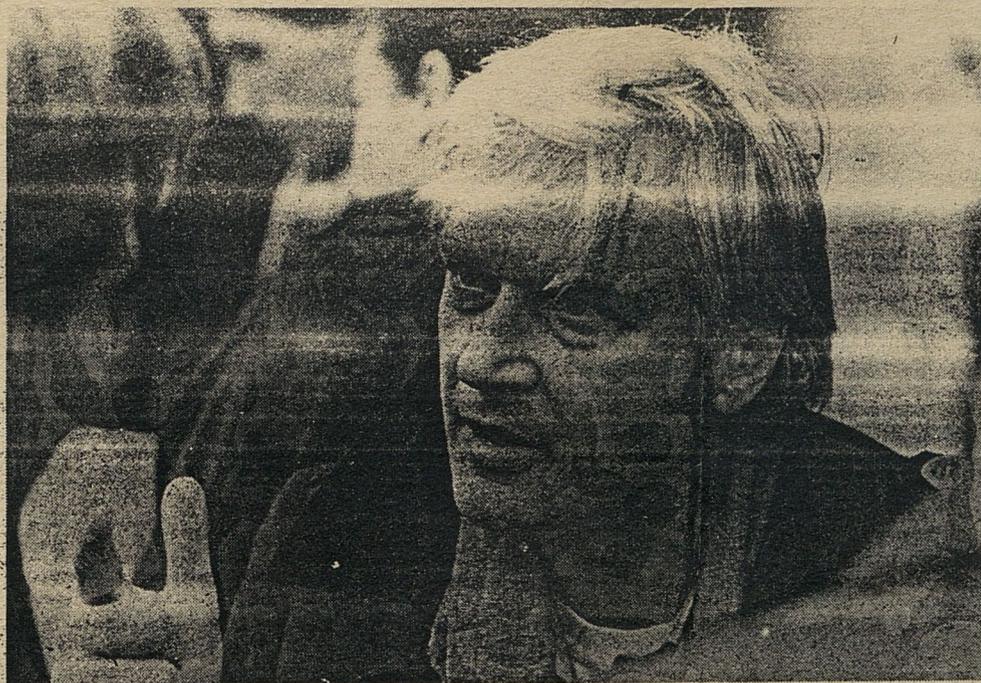
раты, предложили продать. "Забирайте, — сказал я, — но взамен сделайте идеальной мою квартиру". Ударил по рукам.

— В середине восьмидесятых годов москвичи стали свидетелями театрального бума. За билетами стояли ночами, годами мечтали попасть на "главные спектакли. Сейчас этого нет. Почему?

— Театры подвели себя сами. "Дальше, дальше, дальше", "Брестский мир", "Диктатура совести" — человек не за этим ходит в театр. Он хочет задавать вопросы, а слышать ответы. Принцип же "Утром в газете — вечером в куплете" не для этого ремесла. "Гамлета" можно ставить каждые 12 лет, и каждое новое поколение найдет в нем свое.

— Вашего театра эпидемия полупустых залов не коснулась.

— Однажды пришел в Академию художеств Павел Флоренский. И спросил его спорадиче горячие головы: "что? или "как?" — важнейший вопрос

ВРАТАРЬ ИЗ ТЕАТРА МАЯКОВСКОГО

ратом" и "Трамвае "Жизнание", "Молве" и "Копке на раскаленной крыше", его многочисленных киногероев.

В квартире Мартынова лето представило мне свершившимся фактом — уютная вечнозеленых цветах, я знакомился с особенностями стиля "модерн", смутно догадываясь о том, что первый раунд в битве с ничтогой мой собеседник выиграл. Вдаль шли переходы и лесенки, на двери готовы были встать готические витражи.

— Нравится? Предпочитает еще улучшить семьдесят лет позиции — и можно жить!

— Откуда вы, Александр Сергеевич?

— Страсть к дизайну передавалась, видимо, генами мамы-художницы. Рисовал для себя проекты идеальных домов, квартир. Однажды мои эскизы увидели итальянские архитек-

искусства? "Не "что?" и не "как?", а "кто?" — ответил мудрый философ.

В Театре Маяковского — Гундарева, Джигарханян, Костолевский, Симонова... Знаешь, у хирургов есть замечательная команда — "плечо", когда в кульминационный момент операции руки заняты больным, а пот застилает глаза, и спасает только полотенец на подставленном плече ассистента. Мы очень здорово чувствуем такую вот помощь друг друга.

— В одном из последних интервью Андрей Александрович Гончаров сказал, что никогда не построит рядом с театром гостиницу с сауной. Ваш взгляд на сосуществование творчества и бизнеса.

— Я очень уважаю мнение Мастера, но, мне кажется, не стоит быть столь категорич-

ным. Попробуем вместо "или-или" сказать "и-и", но на первом месте, конечно, должно быть творчество.

— Как вы относитесь к популярности?

— Предпочитаю держаться немного в тени. Высшее наслаждение от искусства получаю, когда сидящему в партере зрителю начинает казаться, что он сам открыл и осмыслил то, к чему мы подводили его весь спектакль. А невероятно популярный актер, как бы он ни был талантлив, рискует стать невольным рабом своего самого известного образа.

— Театр и кино. Чему вы отдаете предпочтение?

— Раньше театр давал возможность выразить себя полнее. В кино ты эксплуатируешь то, что уже умеешь, а в театре сегодня можешь то, чего не мог позавчера. Но хотелось бы попробовать себя в качестве

кинопродюсера — у нас ведь часто толковый директор картины лишен художественной жилки, а режиссер — коммерческой хватки. Надеюсь, получатся.

— Александр Сергеевич, как вы для себя определяете русского интеллигента?

— Человек с больной совестью и толстым слоем пыли в голове от прочитанных книжек. Попытки же искусственного реанимирования дворянства, аристократии мне кажутся нонсенсом — мой дед был князем, но ни в какой ситуации не позволяло себе пытаться выделиться только этим. Американский философ Эрих Фромм делал людей по жизненным установкам: "иметь" или "быть". Если "быть" — наш человек, а вот если "иметь"...

— Что вам больше всего претит в людях?

— Дурацкий энтузиазм. Кстати, и переводится это слово как "раж дураков". И кто же додумался назвать нашу скорбную Владимирку, по которой прошли тысячи праведников и мучеников, Шоссе Энтузиастов!

— Вы известны, узнаваемы, любимы. А официальные награды не боитесь ли стороной?

— Не жалею. Недавно получил "Оскара" за сценарий фильма "Один из нас".

— Так вы еще и пишете!

— И, видимо, безуспешно, коль в Объединенных Арабских Эмиратах выложили довольно приличную сумму за идею сценария о Христе и Магомете. На эти деньги я решил создать своеобразный центр по изучению "затонувшей Атлантиды" русской философской мысли начала века — Бердяева, Шестова, Флоренского и других. Собрал "команду" единомышленников, приобрел для них помещенные монастыря в Переславле-Залесском. Планы, как видишь, наполеоновские...

Сергей ФОНАРЕВ.